

Alexander Ethkind. *Warped Mourning: Stories of the Undead in the Land of the Unburied*. Stanford Univ. Press, 2013. 328 P. (Cultural Memory in the Present)

Название только готовящейся к изданию в России книги Александра Эткинда — «*Warped Mourning: Stories of the Undead in the Land of the Unburied*» — с трудом поддается переводу на русский. Проблема даже не в «*Undead*», с этим можно было бы как-нибудь справиться, а скорее в первой части. «*Mourning*» здесь отсылает не к абстрактному «оплакиванию», но к конкретному тексту, — а именно, к работе Зигмунда Фрейда 1917 года. «Печаль и меланхолия», которая в английском переводе называется «*Mourning and Melancholia*».

Это принципиально, поскольку Эткинд соглашается с Фрейдом в том, что «по окончании... работы печали “Я” становится опять свободным». Более того, в недавнем интервью изданию «Гэфтер» автор поясняет, что «горе продуктивно в настоящем потому, что оно воспроизводит прошлое... Человек воспроизводит в своем сознании или где-то еще голос, лицо умершего, обстоятельства его жизни и смерти, причины самой потери. Эти обстоятельства потери приобретают значение на фоне всей жизни покойного в целом и отношений с ним. Но для человека важно обмениваться образами памяти с другими людьми, которые тоже помнят этого человека, — это механизм поминок, похорон, разделения горя с сообществом. Так внутренняя, психологическая динамика обычно оказывается недостаточной, и репрезентация потери переходит в коммуникацию. Репрезентация связана с коммуникацией, и наоборот, как и во многих других ситуациях»¹. Такое представление о роли коммуникации позволяет Эткинду перейти от личной работы горя к закреплению индивидуальных чувств в коллективной памяти, — впрочем, последнюю метафору сам автор не жалуется.

Собственно, книга посвящена тому, что необходимая работа горя в период, последовавший за сталинским террором, оказалась репрессирована и не могла поэтому быть проделана в надлежащем объеме и надлежащим образом. Она оказалась исковеркана (кажется, это более удачный вариант перевода *warped*, чем упоминаемое в прессе в качестве рабочего варианта «кривое горе»), — и *исковерканность* эта определяет наше настоящее в гораздо большей степени, чем мы привыкли об этом думать. Констатация эта покажется одним — крайне спорной, а другим — напротив, совершенно тривиальной, однако смысл проделанной исследователем работы заключается в обнажении механизмов произошедшего. Эткинд подробно разбирает машинерию как репрессирования работы горя, так и результатов того, что она не была проделана необходимым образом.

Он начинает свою книгу со вполне поразительного сюжета, посвященного пятисот-рублевой банкноте, выпущенной Банком России в 1995 году: на ней изображен, как известно, Соловецкий монастырь. Однако есть одна важная деталь: здания монастыря на банкноте лишены крестов, что позволяет идентифицировать изображение как относящееся ко второй половине двадцатых годов — то есть к тому времени, когда на этом месте располагался СЛОН, Соловецкий Лагерь Особого Назначения². Эткинд пишет о том, что миллионы граждан России, знали они об этом или нет, годами носили в своих кошельках изображение концлагеря. Тот факт, что для многих оно было просто изображением монастыря, иллюстрирует, по его мнению, многослойность и противоречивость феномена памяти о сталинском терроре в совре-

менной России. Роль этой банкноты, — говорит Эткинд, — похожа на ту, что выполняют привидения, напоминая живым о тайнах, скрытых в прошлом.

Далее, на протяжении первых двух глав, Эткинд, используя понятийный и теоретический аппарат психоанализа, развивает теорию, которая, как он полагает, позволяет получить новое знание о прошлом и настоящем состояниях российского общества. Ключевым в его рассуждениях оказывается различие воспоминания/памяти, с одной стороны, и переживания вытесненного содержания — с другой. Воспоминание/память имплицитно предполагают, что прошлое окончено, завершено, — в то время как постоянное навязчивое возвращение к переживанию вытесненного делает прошлое фактом настоящего. Автор оказывается таким образом в состоянии определенного конфликта с дискурсом *trauma studies*, поскольку полагается «на концепцию работы горя в большей степени, чем на другие концепции, опробованные в этом поле — в особенности на концепцию травмы». По мнению Эткинда, травма — это реакция на состояние, испытанное самим субъектом, а горе — реакция на испытанное Другим. Такое концептуальное различие не совсем очевидно — в частности, если мы согласимся с ним, то придется, кажется, пересмотреть свое отношение к довольно хорошо разработанному полю представлений о механизмах наследования травмы³.

Еще одним важным концептом книги оказывается «жуткое сверхъестественное» (*uncanny*) — та форма, которую принимает непроработанная потеря, возвращаясь в психику «с черного хода» и отравляя таким образом настоящее⁴. Если мертвые, — пишет Эткинд, — не оплаканы (*mourned*) надлежащим образом, они превращаются в не-мертвых (*undead*) и вредят живым. «Сверхъестественное жуткое» воспринимает-

ся при этом как смутно знакомое, поскольку речь идет о вытесненном содержании собственной психики субъекта. Эткинд, в частности, со свойственной ему наблюдательностью замечает, что те значения, в которых термин «репрессия» употребляется Фрейдом и Хрущевым, на самом деле, парадоксальным образом близки, — и пишет о том, что именно в качестве *uncanny* (по Фрейду) друзья и родственники воспринимали возвращавшихся домой после смерти Сталина узников ГУЛАГа. Этой теме целиком посвящена третья глава книги. В частности, автор цитирует Ахматову, сказавшую в 1956 году (согласно воспоминаниям Лидии Чуковской), что «теперь арестанты вернутся, и две России глянут друг другу в глаза: та, что сажала, и та, которую посадили»⁵. Однако далее он справедливо замечает, что «эти две России также знали о существовании третьей, — погибшей в процессе». Согласно Эткинду, эти *три* России произвели демаркацию зоны неразличия между «голой жизнью» (по Агамбену) и законом; между репрессиями и реабилитацией; наконец, между работой горя и забвением — и тем самым определили культурную динамику позднесоветского периода, — а отчасти, и постсоветскую.

Четвертая глава книги посвящена тому, как лагерный опыт на долгие годы определил взгляды и мироощущение прошедших через него историков — в частности, Дмитрия Лихачева. Эткинд показывает, что их взгляды на многие события русской истории могут быть прослежены к индивидуальному опыту жизни в сталинском государстве. Следующую, пятую главу автор начинает с сопоставления известных слов Мандельштама об акмеизме как «тоске по мировой культуре» с тем, что Ханна Арендт пишет о тепле как замене света в работе «Люди в темные времена»: «Мы видели, какая сильная потребность в такие времена есть у людей придвинуться друг к другу поближе, чтобы отыскать в

теплоте близости замену того света и освещенности, которые может пролить только публичная сфера»⁶. Продолжается глава подробным разбором творческого наследия художника Бориса Свешникова. Далее, в шестой главе, Эткинд переходит к постсталинскому периоду, в течение которого, как он утверждает, ГУЛАГ становится своего рода святыней — пусть и сконструированной некоторым неочевидным и сложным образом, — но в итоге у оттепельного поколения возникает амбивалентное отношение к лагерям. Они оказываются объектами своеобразного паломничества (в очень широком смысле слова). Эткинд полагает, что, например, Андрей Синявский в каком-то смысле стремился к тому, чтобы оказаться в лагере, — и ссылается в этой связи на Марию Розанову и Игоря Голомштока, утверждавших впоследствии, что Синявский ждал ареста. Он также приводит в качестве подтверждения своей гипотезы тот факт, что в лагере Синявский пережил несомненный творческий подъем. Здесь автор строит предположения на не совсем очевидных основаниях, — однако это, пожалуй, привычная для Эткинда ситуация: многие его гипотезы, являющиеся сомнительными, с точки зрения академических историков, оказываются убедительными за счет того, что находят себе подтверждение в более широких (культурных) контекстах.

Следующие две главы посвящены кинематографу: автор начинает с «Гамлета» Григория Козинцева (1964), демонстрируя, в частности, что режиссер в этой ленте видит Гамлета как своего соотечественника, пережившего террор и оказавшегося иностранцем в собственной стране. Эткинд понимает финальную сцену фильма как «мощную, величественную сцену оплакивания». По его мнению, Гамлет здесь посмертно завершает работу горя, а Козинцев превращает шекспировскую пьесу о мести в советскую мечту о беспрепятственном горевании. В этой же

части книги разобраны такие разные кинематографические тексты, как «Король Лир» того же Козинцева (1970), «Берегись автомобиля» Эльдара Рязанова (1966), «Москва слезам не верит» Владимира Меньшова (1979) и многие другие.

Девятая глава представляет собой отступление, в котором автор предлагает разделить манифестации памяти на *hardware* (монументы, музеи, etc.) и *software* — собственно тексты купно с практиками их социокультурного бытования. Здесь Эткинд следует тенденции, общей для многих областей знания: в последние десять-пятнадцать лет эта метафора возникает в очень разных проблемных полях — в диапазоне, скажем, от урбанистики/архитектуры до биологии. Насколько она окажется продуктивной применительно к исследованиям памяти, не очень понятно, — но отчего бы не попробовать?

Наконец, завершают книгу две главы, посвященные постсоветскому состоянию. Эткинд — как и другие исследователи, например, Марк Липовецкий, — рассматривает навязчивые для постсоветской культуры мотивы, связанные с чудовищами, вампирами, призраками и т. д. в качестве манифестации возвращающихся призраков советского прошлого. Навязчивость эта связана с незавершенной работой горя, — то есть с тем, что жертвы массового террора не были оплаканы, как мы уже говорили, надлежащим образом и в надлежащем объеме. Объектами рассмотрения в этой части книги оказываются самые разные артефакты постсоветской культуры — от фильмов Тенгиза Абуладзе «Покаяние» (1984) и Карена Шахназарова «Город Зеро» (1988) до романов Виктора Пелевина и Владимира Шарова.

В целом «Исковерканное горе» обладает всеми достоинствами и недостатками, которые мы привыкли видеть в книгах Александра Эткинда. Широчайшая эрудиция автора, легко оперирующего в огромном

поле текстов, визуальных артефактов и реальный сочетается с некоторой селективностью в отношении источников. Небывалая для русской гуманитаристики увлекательность изложения⁷ порой не позволяет с первого раза увидеть логические разрывы. Наконец, в части перехода от советской культуры к постсоветской книга выглядит несколько торопливой, а аргументация — менее детальной, чем хотелось бы.

Вместе с тем сказанное в предыдущем абзаце не может отменить того факта, что Александр Эткинд написал, как представляется, чрезвычайно важную книгу — уже вторую после его же «Внутренней колонизации»⁸. В этом исследовании памяти и механизмов работы горя впервые предлагается рамка — если не теоретическая в строгом смысле слова, то уж точно концептуальная, — позволяющая по-новому увидеть целый комплекс явлений. Во-первых, оптика Эткинда дает нам возможность (в определенных аспектах) мыслить в качестве целого советскую официальную, советскую неофициальную и постсовет-

скую культуры. Во-вторых, его книга — не в последнюю очередь за счет отталкивания от концепта травмы — придает новое измерение дискуссиям об исторической политике: в текущей политической ситуации такие дискуссии выглядят глубоко маргинальными, но завтра или послезавтра их так или иначе придется возобновить. Наконец, в-третьих, «Исковерканное горе» представляет собой значительный вклад в работу над дифференциацией и детализацией истории периода, который до сих пор — по крайней мере в России — часто видится широким кругам как оппонентов, так и приверженцев советского проекта однородным, сплошным, как кирпич, — и настолько же непрозрачным для исследователя, будь то включенного или стороннего.

Новая книга Александра Эткинда демонстрирует нам, что эта непрозрачность иллюзорна, — и поставляет вполне убедительный концептуальный инструментарий для дальнейшего изучения соответствующего проблемного поля. ■

СТАНИСЛАВ ЛЬВОВСКИЙ

ПРИМЕЧАНИЯ¹ *Чечель И.* «Политическое горе»: без ламентаций. Интервью с Александром Эткиндом // ГЕФТЕР. 2013. 15 июля (<http://gefeter.ru/archive/9410>).

² В 2011 году купюра была перевыпущена. На новом изображении кресты уже присутствуют.

³ См. например: *Тимофеева М.Н.* Травма прошлого (сталинского режима) в клиническом материале российских пациентов // Журнал практической психологии и психоанализа. № 4. 2010 / <http://psyjournal.ru/psyjournal/articles/detail.php?ID=2605>

⁴ Этот концепт также восходит к Фрейдю. См.: *Freud S.* The «Uncanny» // The Standard Edition of the Complete Psychological Works of Sigmund Freud. Vol. 17, 1919: An Infantile Neurosis and Other Works. L.: Hogarth Press, 1956–1974. P. 217–256.

⁵ *Чуковская Л.* Записки об Анне Ахматовой. Т. 2. М. Согласие, 1997. С. 190.

⁶ *Арендт Х.* Люди в темные времена / Пер. с англ. Г. Дашевского. М.: Московская школа политических исследований, 2003. С. 42.

⁷ Рецензент «Ведомостей» написал даже — применительно ко «Внутренней колонизации», — что Эткинд не создает своих теорий, а только берет лучшее от чужих и вводит простые концепции в массовый оборот. Это неверно и несправедливо, однако симптоматично: российское представление о должном стиле гуманитарных исследований подразумевает, что настоящая наука должна быть непонятной, а то, что понятно, — не наука (<http://www.nlobooks.ru/node/3833>).

⁸ О последней подробнее см.: *Львовский С.* Помимо Запада и Востока: Рецензия на книгу А. Эткинда «Внутренняя колонизация. Имперский опыт России» // COLTA.RU. 2013. 4 сент. (<http://www.colta.ru/articles/literature/158>).